

A romantic scene between a man and a woman in a mountainous landscape. The man, with dark hair and a beard, is wearing a black shirt and pants, and is embracing the woman. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a light-colored, long-sleeved dress. They are standing on a stone wall overlooking a valley with mountains in the background. The sky is filled with warm, golden light, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is intimate and dramatic.

РЭИ ХАРТ

МАРАТ

Кавказская пленница

18+

Рэй Харт

Марат 2. Кавказская пленница

<https://litres.ru/74023601>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кристина Соколова привыкла к роскоши, свободе и ресторанной еде. Теперь её мир — глухие горы, запертая комната и стальная цепь на ноге. Марат — бывший тренер, а теперь её тюремщик — говорит, что она нужна ему для мести. Но почему тогда его руки так нежны, а поцелуи отчаянны?

Она должна ненавидеть его. Но с каждым днём грань между ненавистью и желанием стирается. А когда Марат раскрывает правду, Кристина понимает: её свобода стоит слишком дорого. И, возможно, она уже не захочет возвращаться в Москву.

Вторая книга трилогии о любви, которая не должна была случиться, и о мужчине, готовом уничтожить своего кровного врага.

Рэй Харт

Марат 2. Кавказская пленница

Глава 1. Пленница по неволе

«Как это — пленница?»

Слова Марата всё ещё звучали в ушах, когда Кристина сделала последний глоток. Она и не заметила, как осушила почти всю бутылку. Вода была обычной — прохладной, без вкуса. Она пила, потому что в горле пересохло от страха и адреналина. Потому что он сказал «выпей», а она почему-то всё ещё подчинялась ему.

Даже сейчас. Даже после того, как он выбросил её телефон в окно и сказал, что она теперь принадлежит ему.

Только когда девушка поставила пустую бутылку в подстаканник, Кристина почувствовала странную тяжесть. Сначала на кончиках пальцев — они стали онемевшими, непослушными. Потом веки налились свинцом. Мир медленно поплыл, края предметов потеряли прежнюю чёткость, звуки стали приглушёнными, будто она уходила под воду.

— Что... — пробормотала она, с трудом ворочая языком.
— Что ты... со мной сделал?

— Вот и славно, — ровно сказал Марат, даже не глядя в её сторону. — Спи, у нас дальняя дорога.

Последняя мысль, прежде чем сознание отключилось, ударила острой, холодной иглой: «Крышка. Когда я открывала бутылку, крышка была уже отвинчена. Он подсыпал в воду снотворное. Он меня усыпил».

Кристина хотела закричать, ударить его, выпрыгнуть из машины. Но тело не слушалось. Глаза закрылись сами. Она провалилась в чёрную, беспмятную пустоту.

Голос Марата донёсся до неё будто издалека:

— Так будет легче.

И последнее, что она почувствовала, — его рука, уверенно поправившая её голову на подголовнике, чтобы ей было удобнее спать. Забота? Или тотальный контроль?

Кристина уже не могла понять.

Марат выжал педаль газа сильнее. «Мерседес» рванул вперёд, обгоняя редкие фуры и скутеры. Дорога предстояла долгая — более двадцати часов, если ехать без остановок. Он рассчитал всё заранее: доза снотворного — достаточная, чтобы Кристина проспала всю дорогу. Ни одного пробуждения. Ни одной истерики. Ни одного вопроса, на который он пока не готов ответить.

Он бросил короткий взгляд на её лицо — расслабленное, незащитное во сне. Длинные ресницы лежали на бледных щеках, губы чуть приоткрыты. Она выглядела младше своего

возраста. И такой хрупкой — сейчас, без своей брони из высокомерия, дорогих платьев и вечной королевской осанки.

— Прости, — сказал он тихо, зная, что она не слышит. — Но таков мой план, и ты в нём играешь главную роль.

Марат отвернулся к дороге и нажал на газ ещё сильнее. Чёрный «Мерседес» уносил их от Москвы всё дальше и дальше.

Юная пленница очнулась от того, что голова нестерпимо раскалывалась.

Не просто болела — трещала, будто кто-то засунул внутрь отбойный молоток и включил на полную. Тошнота подкапывала к горлу, во рту ощущалась сухость, как в пустыне, язык казался наждачной бумагой. Всё тело ломило — спина затекла, шея не поворачивалась, ноги занемели от того, что слишком долго были в одном положении.

Кристина с трудом разлепила глаза. Веки были тяжёлыми, будто к ним привязали гири.

Перед глазами всё плыло. Она моргнула раз, другой, третий. Изображение медленно фокусировалось.

Белые стены. Она очнулась не в своей спальне с кремовыми обоями и расписным потолком. Просто белые стены — кое-где потрескавшиеся, с неровной штукатуркой. Деревянный пол — тёмный дуб. Небольшое окно, занавешенное лёгкой белой шторкой. А за окном — солнце, яркое, южное, и решётка. Кованая, на вид крепкая, вмурованная в камень.

От волнения сердце хаотично застучало.

Кристина приподнялась на локте — и голова закружилась. Тошнота усилилась. Она замерла, пережидая приступ, дышала медленно, как учили когда-то на растяжке. Только сейчас это помогало не от боли в мышцах — от паники, которая поднималась изнутри холодной волной.

«Где, чёрт возьми, я?»

Она села на кровати. Обычной деревянной кровати с жёстким матрасом и льняным бельём, которое пахло мылом — простым, самым дешёвым. Это не её постель. Это не её квартира. Не её запахи.

— Марат? — позвала она, и голос прозвучал чужим — хриплым, слабым, испуганным. Это первое, что пришло в голову. Потому что, последнего кого она запомнила, был её красавчик тренер по тхэквондо. Он сказал, что теперь она принадлежит ему.

«Боже! Что происходит? Надеюсь, что это чей-то глупый и дурацкий розыгрыш».

Кристина огляделась. Комната была маленькой и скромной, но достаточно чистой. У окна — простой стол. На столе — два стакана с водой. В углу — старый платяной шкаф, потемневший от времени. И две двери: одна с простой железной ручкой, вторая приоткрыта, за ней видна плитка.

Больше ничего. Ни телефона, ни книг, ни даже клочка бумаги.

Она попыталась встать — и тогда услышала звук.

Металлический лязг, тонкий и отвратительно унижительный.

Звякнула её цепь.

Кристина опустила взгляд. Лодыжка левой ноги была обмотана мягкой тканью — чтобы не натирать, а поверх — тонкая стальная цепочка. Не толстая, не грубая, но на вид крепкая, как трос. Второй конец уходил к стене — к огромному железному болту, вмурованному в белёную кладку.

Девушка не поверила своим глазам. Дёрнула ногой. Цепь звякнула, но не поддалась. Дёрнула сильнее — зазвенела громче. Болт даже не шелохнулся.

— Нет! — отчаянно выдохнула она. — Только не это!

Кристина вскочила на ноги — по ошибке, слишком резко, голова закружилась, перед глазами поплыли круги. Она ухватилась за спинку кровати, устояла. И снова дёрнула цепь — уже рукой. Потом двумя руками. Потянула, попыталась вырвать болт из стены.

Бесполезно.

Она рухнула обратно на кровать, тяжело дыша. Паника накатывала, затапливала грудную клетку, сжимала горло. Воздуха не хватало. Стены, казалось, двигались.

«Марат действительно меня похитил».

Мысль прозвучала в голове чётко, холодно, неумолимо. Она не могла её отрицать, не могла списать на кошмар. Вот они — стаканы с водой на столе. Проявление заботы. Вот цепь на ноге. Осознание безысходности. Вот решётка на ок-

не. Она теперь пленница.

«Но зачем?»

Вопрос обжѐг. Зачем он это сделал? Что ему нужно? Она перебирала варианты, и каждый был страшнее предыдущего.

Сексуальная рабыня? Слово ударило пощёчиной. Кристина с силой сжала простыню. Нет. Только не это. Она никогда не была с мужчиной и скорее убьёт себя, чем позволит ему дотронуться.

Выкуп? Огромные деньги от отца? Самый очевидный вариант. Дочь будущего президента — лакомый кусок. Марат мог потребовать миллион долларов, десять, сто — отец заплатит даже не моргнув.

«А может, он просто сумасшедший? — подумала она с горечью. — И я, дурочка, почти влюбилась в этого безумного красавчика».

Слёзы подступили к глазам — от обиды, от унижения, от страха. Как она могла ему доверять? Как папа и Стас могли в нём ошибиться? Она же чувствовала эти мурашки, когда он смотрел на неё. Она же видела, как его пальцы задерживаются на её талии дольше, чем нужно. Она же почти поверила, что между ними что-то есть.

А он просто ждал. Выслеживал её. Планировал похищение. Отсюда сразу стало всё понятно, как он узнал адрес её квартиры. Как узнал, о её стычке в баре «Рай» с извращенцем Даниилом. Марат всё это время следил за ней! От этого становилось до мурашек страшно. Опять этот мужчина вы-

зывает у неё такую реакцию, только теперь ощущения, прямо противоположные.

Кристина сжала зубы, заставила себя не плакать. Сначала нужно понять, где она, и главное — что делать дальше. Она же умная девочка, она со всем разберётся, постепенно.

Кристина осторожно спустила ноги с кровати. Цепь звякнула, но длины хватило — она свободно дошла до стола. Взяла один стакан, понюхала. Вода как вода — прозрачная, без запаха. Выпила залпом. Горло смягчилось и стало чуть легче.

Поставила стакан, повернулась к двери. Та, что с железной ручкой, была закрыта. Кристина толкнула — ни в какую. Дёрнула — заперто снаружи. Прислушалась — за дверью ни звука. Ни голосов, ни шагов.

Вторая дверь оказалась открыта. Кристина заглянула внутрь. Крошечная душевая, совмещённая с туалетом. Простая белая плитка, душ на шланге, мыло на деревянной мыльнице. Чисто и очень скромно.

Она вошла, закрыла за собой дверь. Села на холодный кафель. И тут её плечи задрожали.

Слёзы хлынули сами — горькие, беззвучные. Она плакала, уткнувшись лицом в колени, обхватив ноги руками. Всё тело тряслось — от слабости, от страха, от несправедливости.

«Папа, — мысленно звала она. — Папочка, найди меня. Пожалуйста. Спаси».

Она знала: отец будет её искать. У него огромные ресурсы, возможности, связи, вся президентская служба безопасности ему подчиняется негласно. Он перевернёт всю землю, но найдёт её. А потом Марат пожалеет, что родился на свет.

Но другой голос, тихий и страшный, шептал: «А если не найдёт? Если этот кавказец продумал всё, до мельчайших деталей? Марат очень умный и осторожный человек».

Девушка вытерла слёзы тыльной стороной ладони, шмыгнула носом. Встала, ополоснула лицо холодной водой. Посмотрела на себя в маленькое мутное зеркальце над раковиной. Красные глаза, опухшие веки, размазанная тушь. Жалкое зрелище.

— Возьми себя в руки, Соколова, — твердила она своему отражению. — Ты не из тех, кто сразу ломается. Покажи ему свои коготки.

Сделала всё, что нужно. Вернулась в комнату. Села на кровать, поджав ноги. Цепь блестящей змейкой скользнула по полу.

«Что теперь делать?»

Она — Кристина Соколова — кавказская пленница. Как несчастная девушка из старого советского фильма. Мама любила такие смотреть. Кристина усмехнулась — горько, сквозь ещё не высохшие слёзы. Ирония судьбы: она смеялась над этими фильмами, а теперь сама попала, в один из них.

«Если бы ты попросил, Марат, — подумала она вдруг с такой острой, непереносимой горечью, что защемило в гру-

ди. — Если бы ты сам попросил меня сбежать с тобой, я бы согласилась. Не раздумывая. Без цепей, без снотворного, без этого ненужного унижения. Я ведь тебя действительно полюбила».

Она закрыла глаза и представила. Марат говорит: «Кристина, поехали со мной. Я покажу тебе горы. Ты увидишь, как я живу. Я хочу, чтобы ты узнала меня настоящего». И она говорит «да». Собирает сумку. Едет с ним добровольно. Смотрит на его профиль в свете фар и чувствует не страх, а истинное счастье.

Но реальность была другой. И похищение меняет всё. Цепь на ноге. Решётка на окне. И она одна в чужом доме, в чужой стране.

Кристина открыла глаза.

— Ненавижу тебя, — сказала она в полупустой комнате.

Но пока сама не понимала, правда ли это.

Пленница вновь встала, подошла к окну. Ухватилась за холодные прутья решётки. За ними — горы. Настоящие кавказские горы — зелёные склоны, скалистые вершины вдалеке, лента дороги, выющаяся далеко внизу, ущелье, много зелёных деревьев. Ни одного дома рядом, ни одной соседской крыши. Небо — ярко-синее, без единого облачка, такое огромное, что захватывало дух.

Дом расположен очень высоко. В непроходимой глуши. До ближайшего города — неизвестно сколько. Кричать бесполезно, никто её не услышит.

«Теперь это твоя тюрьма. — услышала она вдруг голос Марата в своей голове».

— Никогда, — прошептала она, глядя с презрением на горы.

Но в эту секунду за дверью послышались шаги. Тяжёлые, чёткие, уверенные. По деревянному полу коридора. Всё ближе и ближе.

Кристина непроизвольно напряглась. Отступила от окна. Встала так, чтобы хорошо видеть дверь.

Лязгнул металлический засов. Ручка повернулась.

Дверь неизбежно открылась.

На пороге стоял Марат.

В джинсах, в чёрной футболке с короткими рукавами, босиком. Волосы влажные. Он свежий, чистый, отдохнувший, как будто не был двадцать часов за рулём, а просто вернулся с прогулки. От него пахло мятным мылом и тем самым, древесным, горьковатым запахом, который она запомнила в первую встречу. Он был до боли красивый, но она запретила сейчас думать о нём в таком контексте. Этот мужчина — её похититель, настоящий кавказский бандит.

Кристина смотрела на Марата и совершенно не узнавала. Здесь, в этом простом доме, без московских декораций, без белого кимоно и статуса тренера, он выглядел... по-другому. Абсолютным хозяином. Властным и жестоким взрослым мужчиной. Тем, кто всегда за главного.

А она — пленницей. В стальных цепях.

— Ты... — начала она, и голос сорвался.

Марат спокойно закрыл за собой дверь. Прислонился к косяку, скрестив руки на груди. Посмотрел на девушку — долгим, изучающим взглядом. Сначала в глаза, потом ниже — на цепь на её ноге. Глубоко вздохнул, спросил:

— Очнулась, наконец?

— Что ты со мной сделал?! — выкрикнула Кристина. Слезы снова подступили, но она сдержалась. — Ты меня усыпил! Как животное!

— Как обычного человека, который начал бы истерить в дороге, — поправил он удивительно спокойно. — Дорога долгая. Ты бы не выдержала. Соседние водители могли бы заметить твои крики, позвонить в полицию. Я не мог так сильно рисковать.

Кристина задохнулась от наглости. Она шагнула к нему — насколько позволяла цепь. Та противно звякнула. Она остановилась в трёх шагах.

— Что это?! — Она указала на лодыжку. — Ты приковал меня, как собаку!

Марат опустил взгляд на цепь, потом поднял глаза на неё. Без тени угрызения совести.

— Это чтобы ты не наделала глупостей, — сказал он ровно. — Местность для тебя незнакомая, горы, обрывы. Если ты решишь сбежать, непременно убьёшься. Цепь — единственное, что удержит тебя здесь, пока ты не успокоишься и

не поймёшь, что бежать некуда.

— Не успокоюсь! — в сердцах закричала она. — Ты меня похитил! Усыпил! Приковал! Я буду кричать, биться, я...

— Будешь послушно пить воду, — перебил он её ровным голосом. — Вон там, на столе. Выпей ещё. А потом поговорим как взрослые люди.

Он сказал это так, будто на её ноге не было цепи. Будто она просто капризная девочка, которую надо успокоить, чтобы она перестала недовольно топтать своей ножкой.

— Я не хочу пить! — выкрикнула Кристина. — Я хочу домой!

— Ты же не хотела домой? Сама попросила увезти тебя куда угодно, только не домой. Кристина, тебя явно пересохло в горле, выпей сейчас, не заставляй меня повторять дважды.

В его голосе появились стальные нотки — те самые, от которых на тренировках хотелось вытянуться по струнке. Девушка стиснула зубы. Ей хотелось запустить в него этим дурацким стаканом. Но она понимала — он прав. В горле действительно пересохло. Её организм обезвожен.

Она взяла второй стакан с тумбочки. Отпила маленький глоток. Потом ещё и ещё. Выпила половину и со стуком поставила обратно, демонстративно отвернувшись.

Марат наблюдал за ней — спокойно, терпеливо, как смотрит охотник на попавшую в силки, но ещё не смилившуюся дичь.

— Зачем я здесь? — спросила Кристина, стараясь, что-

бы голос звучал спокойнее. — Денег хочешь? Папа заплатит. Сколько скажи сколько. И не надейся, что останешься жив после этого. Мой отец не прощает тех, кто трогает его семью.

Марат жёстко посмотрел на неё, и кажется в его глазах блеснула жгучая ненависть. Почему он её ненавидит? Что она ему сделала плохого?

— Я тоже не прощаю тех, кто трогает мою семью, запомни это. Ты здесь не ради выкупа.

Марат покачал головой. Не торопясь, будто разговаривал с глупым ребёнком.

— А ради чего? — Кристина почувствовала, как страх новой волной поднимается изнутри. — Ради этого? — она указала на цепь. — Ради власти надо мной? Ради секса? Я лучше убью себя, чем позволю к себе прикоснуться после всего что ты сделал.

Марат сделал шаг к ней. Один. Второй. Девушка попятилась, но упёрлась спиной в кровать.

— Я не собираюсь причинять тебе вреда.

— Ты уже причинил, — выдохнула она, и кажется она сейчас потратила на этот разговор все свои последние силы. — Ты не представляешь, какую боль уже мне причинил.

Марат остановился. Протянул руку в её сторону. Кристина инстинктивно замерла и сгруппировалась, словно перед ударом. Но его пальцы нежно коснулись её щеки — прохладные, чуть шершавые. Убрали прядь волос, прилипшую к влажным от слёз щекам.

— Я привёз тебя сюда, чтобы спасти, — сказал он тихо, глядя прямо в её испуганные синие глаза. — Ты не знаешь, что сейчас происходит.

— Ты меня похитил. И теперь говоришь, что спасаешь? Ты бредишь, Марат.

Он убрал руку и решительно отступил. — Но сейчас ты здесь. Ты моя необычная гостя. А цепь — временная мера. Как только ты успокоишься и поймёшь, кто я, то клянусь, что сниму её.

— А если не захочу понимать?

— Значит, будешь жить на цепи. — Он развернулся к двери. — Еда будет через час. Отдыхай.

— Марат! — окликнула она, когда он уже взялся за ручку. Он не обернулся, но замер на месте.

— Ты... ты правда не причинишь мне вреда?

— Я не собираюсь тебя ломать, Кристина. Ты отдашься мне по своей воле.

Марат обернулся посмотрел на испуганную девушку внимательным, странным взглядом. В его чёрных глазах попеременно мелькнули: Боль? Тоска? Или просто злая усталость?

— Ты не представляешь, на что я готов пойти, чтобы наконец реализовать свой план, я слишком долго этого ждал, — сказал он с тоской и непонятной ей ненавистью. — Но я не могу отступить. Даже если ты возненавидишь меня, после всего, что я сделаю.

Он стремительно вышел. Засов лязгнул.

Пленница вновь осталась одна.

Она села на кровать, обхватила колени руками и уставилась на цепь, поблескивающую в луче солнца из окна. В голове крутились его слова: «Ты отдашься мне по своей воле». И она хотела только одного — проклинать его, проклинать, проклинать!

Она — Соколова. Она дочь своего отца. И если этот сумасшедший думает, что сможет её сломать, он глубоко ошибается. Она никогда ему не покорится!

Кристина закрыла глаза и прошептала в раскрытые ладони, как молитву:

— Папочка, найди меня. Пожалуйста.

За окном мирно и равнодушно шумели деревья.

Глава 2.

Затишье перед бурей

Примерно через час после ухода Марата дверь снова закрипела.

Кристина напряглась. Рука сама потянулась к пустому стакану на столе — если этот самоуверенный кавказец сейчас войдёт, она запустит ему в голову этой стекляшкой. Пусть знает, что с ней шутки плохи. Она не какая-нибудь безвольная кукла.

Но дверь открылась неожиданно медленно, с трудом — будто человек за ней был совсем немощным. И вместо широ-

ких плеч Марата на пороге появилась сторбленная фигурка.
Старая-престарая чеченка.

Кристина опешила. Немедленно опустила руку.

Женщина была маленькой, сухонькой, с лицом, изрезанным тысячей морщин, как старая карта. На голове — чёрный платок, завязанный на затылке. На теле — длинное тёмно-синее платье, почти до пят. Она дрожала — или от старости, или от тяжести того, что несла в руках. Огромный деревянный поднос, заставленный едой, выпивкой, фруктами. На трясущихся руках, но она несла его уверенно, будто делала это всю жизнь.

— Ой, — выдохнула Кристина, не зная, что сказать.

Старуха вошла в комнату. Не обратила никакого внимания на цепь, на то что девушка сидит в запертой комнате, как преступница. Поставила поднос на стол — тяжело, с кряхтением. Потом повернулась к Кристине и посмотрела на неё.

Глаза у бабушки были чёрные, мутные от времени, но живые. Очень живые.

Кристина перевела взгляд на поднос.

Горячее блюдо: мясо, нежное, распадающееся на волокна, с ароматом чеснока и зелени. Рядом — галушки, большие, мягкие, аппетитные. На отдельной тарелочке — свежая зелень: кинза, петрушка, базилик. Гранатовый сок в прозрачном кувшине — тёмно-рубиновый, почти чёрный. Минеральная вода в стеклянной бутылке. И фрукты: крупные красные яблоки, виноград, инжир.

Живот Кристины предательски заурчал.

Она не ела уже больше суток. С того самого утра, когда в последний раз видела свою кухню, Лиду, круассаны и овсянку с ягодами.

— Спасибо, — сказала Кристина, глядя на старуху.

Та кивнула. Улыбнулась беззубой улыбкой. И что-то проговорила на своём языке — гортанном, мягком, совершенно непонятном. Ни одного знакомого слова.

— Вы... вы говорите по-русски? — осторожно спросила Кристина.

— Да, — чётко сказала старуха. — Я, Сацита.

Кристина обрадовалась. Ну вот, сейчас можно будет расспросить, где она, кто эта бабушка Марату, может быть, удастся её разжалобить...

— А ещё? — спросила Кристина. — Вы понимаете меня?

Бабушка снова улыбнулась и покачала головой. Потом указала на еду, кивнула энергично и прижала руку к сердцу — мол, от души.

Всё. Больше ни слова.

— Да, — повторила старуха для уверенности и вышла из комнаты. Медленно, шаркая ногами, придерживаясь за косяк. Дверь за ней осталась открытой — но Кристина даже не дёрнулась. Стоило ли пробежать эти несколько метров до выхода, если за дверью наверняка другие замки, а на ноге — цепь, которая привязана к стене? Бесплезно.

Но запомнила. Дверь открыта. Значит, не всё так плохо.

Кристина посмотрела на еду. В желудке снова заурчало.

— Ну уж нет, — сказала она себе. — Я не буду есть его еду. Не буду пить его воду. Я буду голодать в знак протеста. Желудок заурчал громче. Настойчивее.

Кристина вспомнила Лиду. Как та каждое утро ставила на стол свежий кофе, круассаны, овсянку с ягодами. Как подавала обед — всегда вовремя, всегда горячее. Как заботливо спрашивала: «Что вам приготовить сегодня, Кристина Андреевна?» Её горничную. Её почти родного человека. Сейчас Лида, наверное, места себе не находит. Как и папа. Как и Гриша. Как и все.

От этой мысли слёзы снова подступили к глазам.

Но тут запах чеснока и свежей зелени ударил в нос. Кристина непроизвольно сглотнула.

— Ненавижу тебя, Марат, — сказала она громко, взяла ложку и начала есть.

Мясо таяло во рту. Галушки были мягкими, воздушными, с чесночным соусом — пальчики оближешь. Кристина ела жадно, быстро, почти не жуя. Голод заглушал гордость. Цепь на ноге звенела при каждом движении, напоминая о том, где она и в каком положении.

— Звяк-звяк, — передразнила она цепь с набитым ртом. — Я тебя слышу.

Выпила полстакана гранатового сока — кисло-сладкого, терпкого, обжигающего горло. Съела яблоко. Потом ещё одно.

Когда она наконец насытилась, поднос был почти пуст.

Кристина откинулась на подушку, прикрыла глаза. Стыдно. Очень стыдно. Она только что клялась не брать в рот ни куска — и слопала всё, что принесла эта старуха. Предательница. Бесхребетный слабый человек.

«Но если я умру от голода, — оправдалась она перед собой, — то точно отсюда не выберусь. А мне нужно быть сильной. Мне нужно придумать план».

Она открыла глаза и посмотрела на дверь. Всё ещё открыта. Из коридора тянуло свежестью и травами.

В дверном проёме мелькнуло что-то белое. Кристина приоткрылась. Кот. Большой, пушистый, белоснежный. Сидел на пороге, поджав лапы, и смотрел на неё жёлтыми глазищами. Не заходил в комнату — будто знал границу, которую нельзя пересекать.

— Кис-кис, — позвала Кристина.

Кот моргнул. Не сдвинулся с места.

— И ты с ними заодно, — вздохнула девушка.

Вспомнила, как у подола бабушкиного платья была светлая шерсть. Значит, кот её. Живёт здесь. Старуха и кот — в этом старом доме. А Марат — кто он ей? Внук? Племянник? Кристина не знала. Он говорил, что у него большая семья и большой дом. Но этот дом не был большим. Скорее, здесь жила одна Сацита — или как там зовут эту бабушку — со своим белым котом. А Марат просто приезжает. Или специально привёз её сюда, потому что здесь глухо и безопасно.

«Безопасно для него, — поправила она себя. — Не для меня».

Она хотела спросить старуху, где она, кто она Марату, зачем её привезли. Но бабушка не понимала по-русски. Или делала вид, что не понимает. Трудно понять.

Кристина вздохнула. Нужно было придумать план. Но сил и желания на это совсем не оставалось.

Марат больше не приходил в тот день.

Кристина слышала, как за дверью иногда раздавались шаги — шаркающие, старушечьи. Бабушка приходила, забирала грязную посуду, молча кивала и уходила. Даже не взглянула на девушку. Будто та была пустым местом. Или такой же частью интерьера, как кровать и стол.

Утром Кристина проснулась от солнечного света, бьющего прямо в лицо. За окном уже вовсю шумели деревья, пели птицы — гортанно, звонко, не привычно для светской горожанки.

Она потянулась — и замерла.

На столе лежала аккуратная стопка.

Кристина села на кровати, протёрла глаза. Да, не показалось.

Светлое платье — простое, льняное, до колена. Никаких рюшек, кружев, вырезов. Обычное платье, какие носят женщины в деревне. Рядом — хлопковое бельё: лифчик, трусики. Немного большеватого размера, но чистое, новое. Поло-

тенце — пушистое, белое. Мятное мыло в бумажной обёртке, шампунь в маленьком флаконе. И домашние тапочки — из овечьей шерсти, мягкие, тёплые, ручной работы.

Кристина провела пальцами по шерсти. Непривычно. Дома у неё были шёлковые халаты и кожаные шлёпанцы. А тут — овечья шерсть, пахнувшая деревней и маслом.

«Это принёс Марат, — поняла она. — Или велел бабушке положить».

Значит, он думает о ней. Заботится? Или просто хочет, чтобы его пленница выглядела опрятно? Чтобы не ныла, не жаловалась, не раздражала его своим видом?

— Плевать, — сказала Кристина громко. — Я хочу в душ.

Она взяла всё это в охапку, насколько позволяла цепь, и доковыляла до душевой.

Закрыла за собой дверь. Скинула грязные вещи — те самые, в которых её похитили. Джинсы, футболка, бельё. Всё пахло дорогой московской жизнью, духами, пыльным городом.

Она встала под тёплую воду — и чуть не застонала от удовольствия.

Никогда раньше она не ценила душ так, как сейчас. Дома у неё была ванна с гидромассажем, соляная лампа, японская ширма. А здесь — просто душ на шланге, мыло и жёсткая пахнувшая железом вода. Но это было счастье. Чистота. Возможность смыть с себя страх, пот, дорожную пыль.

Кристина мылась долго. С наслаждением намылила свои

густые волосы — дважды. Насухо вытерлась полотенцем. Надела чистое бельё — большое, непривычное. Платье — лёгкое, прохладное, пахнувшее чем-то травяным.

Новые тапочки согревали босые ноги.

Она вышла из душевой и посмотрела на старые вещи, которые остались лежать на полу.

По привычке Кристина хотела оставить их — пусть бабушка заберёт, стирает. Как было дома: Лида всё унесёт, почистит, погладит, положит в шкаф. Но Лиды здесь нет. Горничных нет. Никого нет.

— Привычка, — буркнула она себе под нос.

Она подняла грязные вещи, нашла в углу небольшой таз, налила туда воды, намылила мылом и начала стирать.

Это было унижительно. Дочь Андрея Соколова, будущего президента, полоскает свои трусики в тазу, как какая-нибудь прачка из девятнадцатого века. Руки сразу покраснели, в воду упала капля слезы.

— Ненавижу тебя, Марат, — прошептала она в сотый раз. — Ненавижу за то, что ты заставил меня этим заниматься.

Но стирать не перестала.

Развесила мокрое бельё в душевой на верёвке, которую быстро нашла там же. Джинсы и футболку аккуратно сложила в старый платяной шкаф в углу комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.